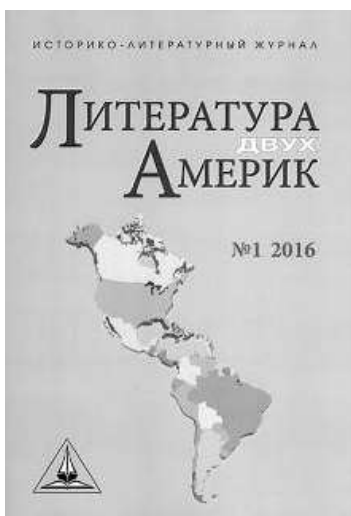

Новый журналы

Литература двух америк: Историко-литературный журнал.

М., 2016. № 1. (Выходит 2 раза в год. Главный редактор — Ольга Панова, отв. редактор по Латинской Америке — Андрей Кофман.)

Такого еще не было, хотя многое было. Например, почти полвека существуют качественные академические журналы «США и Канада» и «Латинская Америка». Они обращены к специалистам по социальным наукам и материалы о литературе впускают по остаточному принципу (в 1999 г. слова «экономика, политика, идеология» в названии журнала «США» были заменены на «экономика, политика, культура», но приоритетность «культурного» профиля при этом не сильно повысилась). Есть старый, хороший журнал «Иностранная литература», адресованный широкому читателю и освещающий разные национальные литературы, независимо от континентальной принадлежности. Но такого журнала, который был бы посвящен серьезному исследованию именно художественной словесности и именно

Америк, притом сразу двух, — не было на русском языке.

Известно, что слово «Америка» появилось на карте мира в 1507 г.: Мартин Вальдземюллер обозначил таким образом более южный из двух материков Нового Света, и только позже «Америкой» стали называться оба. Под шапкой общего имени развивался сложный конгломерат сообществ и культур, связанных общей географической судьбой и разъединенных историческими выборами и обстоятельствами. По-английски и по-испански об Америках (во множественном числе) говорить привычно, но все равно непросто, а по-русски — и непривычно, и непросто одновременно.

Уже поэтому можно поздравить и авторов инициативы, приведшей к созданию нового журнала, и Институт мировой литературы, эту инициативу поддержавший: идея прекрасно вписывается в актуальный тренд к отходу от национального принципа рассмотрения истории литературы, к освоению нового проблемного пространства. «Глобальная литература» сегодня — область методологического поиска и эксперимента: почтенное, уже изрядно усталое направление сравнительного литературоведения получило новую жизнь, вступив в неожиданный альянс с культурными исследованиями (cultural studies) и широко трактуемой теорией перевода (translation studies). Разумеется, русским/советским литературоведам озабоченность «всемирностью» и раньше не была чужда, но нынешний этап осмысления темы — под знаком и на фоне глобализации — проходил до сих пор без нашего активного участия. В этом смысле новый журнал — как на-

ново затеянный разговор — открывает интересную перспективу: почему бы одной из частей света не послужить полигоном для поиска свежих подходов к словесности «в мировом масштабе»?

Впрочем, это лишь одна из возможностей. Учредители издания видят свою первую и самую непосредственную цель в «консолидации профессионального сообщества американистов-литературоведов». Как решить эту задачу? — вопрос большой и больной, имея в виду изрядную деморализованность этого самого сообщества (сказалась утрата ауры, окружавшей в пору холодной войны все американское как недостижимо далекое, а также сравнительное обесценивание — уже в позднейшие десятилетия — филологического и в целом гуманитарного знания). Возможность оздоровления связывается со ставкой «на историко-литературную конкретику — биографические штудии, литературные институции, кружки, объединения, литературный быт с опорой на письма, мемуарные свидетельства, интервью, публикации в прессе, архивные документы и т.п.» (с. 6). Наряду с этим, говорится далее в редакторской преамбуле, журнал приветствует публикации новых документов и переводов, штудии из истории американистики, исследования литературных связей и контактов. И наконец, остается некоторый простор «для других типов исследования (теоретических, интердисциплинарных и прочих)».

Так определены приоритеты, и выбор их, в целом, разумен и оправдан. Факты, нарытые в архивах, по ходу прилежной работы специалистов-предметников, — несомненная, надежная ценность. И есть все основания надеяться, что солидность произведенного таким образом знания поможет журналу за-

воевать и удержать внимание профессиональной аудитории, приобрести желаемый вес и статус. Есть, разумеется, и некоторые «но». В частности, то, что доступ к источникам, к раскопам, где добываются новые факты, неодинаков: американистам, работающим «на удалении», сложно состязаться в этом с теми, кто работает «дома». Оглянувшись на опыт, например, европейской американистики (а она, в отличие от нашей, не пострадала в XX веке от политического изоляционизма), мы заметим, что наиболее оригинальные изыскания даже здесь традиционно связаны с изучением «граничного» материала — рецепции американской литературы в собственных (принимающих) культурах, истории контактов, диаспор, потоков иммиграции и т.п. Предпринимались, безусловно, попытки реализовать преимущества культурной вменяемости — предъявить особую точку зрения на явления американской литературной жизни сравнительно с консенсусом, сложившимся внутри нее, но... во-первых, консенсуса зачастую просто нет, а во-вторых, инаковость, если на ней настаивать, легко мифологизируется и становится в итоге почвой для спекуляций, с наукой никак не связанных (мы хорошо это знаем по официозным усилиям в былое время генерировать «советский взгляд» на что бы то ни было). Факты к тому же важно не только собрать, но и эффективно использовать. Поэтому наиболее впечатляющими мне представляются опыты по бережному разворачиванию в американском материале теоретических инсайтов, рождающихся не обязательно в американской культурной среде (примером могут служить исследования немецкого литературоведа и культуролога Винфрида Флюка¹ (он входит, кстати,

1 Ср. его работы, посвященные американскому роману: «Теория американской литературы» (1987), «Инсценированная реальность. Американский реализм 1865—1900» (1992), «Культурное воображаемое: Функциональная история американского романа 1790—1900» (1997) и др.

в международный редакционный совет нового журнала), эффективно соединившего компетенции теоретика германской рецептивной выучки с широкой эрудицией историка-американиста). Но такие опыты, по определению, встречаются нечасто. «Широкие академические слои» склонны ориентироваться на конъюнктуру американской американистики, а та представляет собой зрелый и динамичный интеллектуальный рынок, где модные направления «раскручиваются» со скоростью едва ли не обескураживающей, то и дело сменяя друг друга. Обсуждаемый нами номер журнала замыкается двумя любопытными материалами: *Наталья Высоцкая* и *Ольга Анциферова* рассказывают, на правах участниц, об очередной конференции Европейской ассоциации американистики, проходившей в Констанце (Румыния) в апреле 2016 г. Обе отмечают впечатляющую пестроту подходов при явном отсутствии проблемного ядра, хоть какого-то общего фокуса разговора. Обе отмечают стремление организаторов конференции то и другое возвести в норму: это ведь хорошо, когда никто никому и ни в малейшей степени не мешает толковать про свое, будь то медицинская этика в романе, или проблемы автохтонности, или «литература о климате», или квир-идентичность, или трансмедиальность, или травматический опыт, или проблемы Антропоцена... приемлемо все, в той мере, в какой непосредственным объектом анализа остается какой угодно американский факт.

Свидетельствует ли такая программная беспрограммность о богатых возможностях дисциплинарного поля? или о его вторичности, провинциальности? — по этому поводу можно спорить. Продуктивна ли стратегия, выбранная европейскими американистами? В лю-

бом случае ее — и их опыт в целом — стоит учитывать, планируя собственный маневр.

Что представляет собой первый номер «Литературы двух Америк»? Он открывается статьей *А. Кофмана* «Тема варварства в испаноамериканской литературе». Мифообраз «варвара» трактуется как устойчивое тематическое ядро литератур Латинской Америки, «смысловый центр, куда стянуты все нити» (с. 18), через который можно понять «имманентное качество американского пространства» (с. 33). Фактически это способ воображать себя и быть воображаемым, характеризующий американца, — причем не только «южного», но, добавлю от себя, и «северного», хотя о последнем в статье нет ни слова.

Другой мифообраз раскрывается в двух блестящих статьях... про зайцев и кроликов. Как будто подхватывая изыскания Константина Богданова по части отечественного зайцеведения², *Ольга Ушакова* подробно анализирует ранний сборник Т.С. Элиота «Извенции мартовского зайца». Выясняется, что в этих стихотворениях с их «барочным изобилием, классицистической умозрительностью, романтической тоской, декадентской проклятостью, авангардистским эпатажем» (с. 76) отобразились авансом все основные темы и образы позднейшего творчества самого высоколобого из американских поэтов. Статья *Ирины Головачевой* «Кто такой кролик Харви?» обращается, напротив, к материалу популярной культуры США, исследуя ее зачарованность всевозможными кроликами — монстрами, суперфикциями, игривыми символами.

По разным рубрикам разнесены, но явно «рифмуются» две статьи о двух великолепных трансатлантических эстах, пожизненно колебавшихся между старым и новым светом, — американце

2 См.: *Богданов К.* Фауна морали: Русские классики и русские зайцы // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 96—119.

Генри Джеймсе и британце Ивiline Во. Первая написана *Ольгой Анцыферовой*, вторая — *Ириной Кабановой*, обе — изящны, эффектно выстроены и демонстрируют отличное знание предмета. То же можно сказать о материале *Ивана Делазари*: он рецензирует долгосрочный (1979—2016) проект «Нортоновская антология американской литературы» и приходит к выводу об устойчивом и глубоко «антиисторизме», объединявшем несколько поколений его кураторов, проще говоря — их общей склонности придумывать и перепридумывать прошлое в интересах злобы дня.

Сердцевина номера и его несомненный энергетический центр — работа творческого тандема *Ольги* и *Сергея Пановых* «“История американской литературы” в советской Академии наук». В каком-то смысле она носит характер манифеста, демонстрируя, притом в самом лучшем варианте, то, на что журнал, как мы уже выяснили, намерен сделать основную ставку. Перед нами — кропотливое расследование того, как делался советскими американистами первый и на долгое время единственный том «Истории литературы США», задуманный в 1930-х и добравшийся до публикации только в 1947 г.

Как все это было — в драматические времена, когда на протяжении одного десятилетия А.Н. Веселовский мог превратиться из классика в источник идейной заразы («веселовщины»), а США из страны-союзницы в одной войне — в страну-противницу уже в другой; когда научные концепции менялись в связи с «посадкой» и исчезновением их инициаторов, а состав исполнителей исследовательского проекта зависел от перипетий военной эвакуации. В «Историю...» было вложено много сил, притом первоклассных, но первый том по выходе в свет оказался разгромлен... Тут расследование — которое, при всей научной дотошности, читается как хороший детектив — временно обрыва-

ется, оставляя читателя в нетерпеливом ожидании продолжения и дальнейших публикаций в том же ключе. В их необходимости и ценности нет ни малейших сомнений. Это ясно.

И все же между страницами 80-й и 120-й журнального текста перед моими глазами всплыл интригующий знак вопроса — в виде статьи единственного в номере американского автора *Дугласа Робинсона* (лингвист, литературовед, теоретик перевода, в настоящее время заведует кафедрой в баптистском университете Гонконга). Статья размещена в рубрике «Контексты литературы», но это скорее недоразумение: не считать же контекстом современную теорию симулякра и вымысла (не только художественного). Литературу представляет роман Ричарда Пауэрса «Создатель эха» (национальная книжная премия 2006 г.), но работа с комедийным фильмом Джеффа Тремэйна «Чудаки 3D» для автора не менее важна. Отважный полет теоретической мысли соединяет экологическую теорию с теорией эмоций и соматическую эстетику с инсайтами нейронауки. Вот аргументация статьи в самом кратком виде. Голод по реальности, который мы все сегодня испытываем (нас пугает «сплошь виртуальный» мир!), похож на отчаянное желание «настоящей пищи», которое испытывает человек вполне сытый, но выросший на бигмаках. Важно помнить, что реальность — всегда симулякр (нам только кажется, что она стала менее надежной, чем была в детстве или в иные, стародавние времена). То, что мы знаем сегодня о работе мозга, просто-напросто не позволяет вообразить, будто мы можем иметь прямой доступ к «объективной реальности». Наши представления о реальном и иллюзорном, формируемые на основе так называемого здравого смысла, в любом случае ненадежны. Надежды в этой ситуации стоит возлагать на социальную intersубъективность, основанную на

чувстве, эмоции, разделяемости соматических реакций. В основе желанного чувства реальности, которое объединяет нас с другими людьми, дает нам драгоценное чувство опоры и служит источником стабильности, лежит способность к эмпатии (в свою очередь основанная на работе зеркальных нейронов). Общество, культура держатся на «бессознательной социоаффективной экологии регулирующих норм и ценностей» (с. 113) — для ее обозначения Робинсон вводит понятие «икозис» (от греческого слова *eikos*, отсылающего к категории вероятного).

Статья интересна, но... как будто случайно затесалась в журнал (отнесение ее в рубрику «Контексты...» выглядит тем более иронично) — из какого-то другого разговора, не для всякого читателя и не обязательно внятного. Это только усугубляется тем, что статья публикуется по-английски, а варианты перевода ключевых категорий в русскоязычной аннотации довольно спорны³. Статья, как минимум, требует контекстуализации, обсуждения, а в настоящем виде воспринимается странновато — как призыв без отзыва.

Вообще планируемое многоязычие журнала (где английский, там, как минимум, нужен еще и испанский!) — вопрос очень деликатный и требующий нетривиальных решений, — если, конечно, рассчитывать не на простое ознакомление читателей с содержанием материалов, но их активное освоение, обсуждение, внедрение в (русскоязычный! какой же еще?) научный обиход

Словом, перед нами феномен, прекрасный своей парадоксальностью: новый историко-литературный журнал,

как будто исповедующий программный традиционализм, но обстоятельствами и энергией его создателей обреченный на нетрадиционность. Журнал удачно придуман и демонстрирует достойное качество материалов, ко всему еще приятен на вид и на ощупь. Он напоминает нам о том, что Америка — или Америки, которых в культурном отношении, конечно же, больше, чем две, — всегда фигурировала в европейском воображении как поле открытых возможностей: Opportunity.

Татьяна Венедиктова

Летняя школа по русской литературе

В полном смысле этого слова журнал трудно назвать новым, поскольку в 2016 г. выходит (пока появились 2 номера) уже 12-й его том, а 1-й том (если его можно считать таковым) был опубликован в далеком уже 2001 г. Это была, как значится на сайте, «Русская литература XX века: итоги столетия». Однако следует учитывать еще одну книгу под тем же заглавием и выпущенную в том же году как материалы международной научной конференции молодых ученых, проведенной в Санкт-Петербургском педагогическом институте 16—18 марта 2001 г. А первый выпуск «Летней школы» был обозначен как материалы второй международной конференции молодых ученых, проведенной 1—5 июля того же года. Обе книги были изданы под редакцией А.А. Кобринского, так же

3 Например, не получает достойного аналога понятие «plausibilization» — это уж точно не «интериоризация», фигурирующая по-русски в соответствующей фразе. Ответственное слово (даже термин) *fiction* используется у Робинсона в смысле гораздо более широком, чем «художественный вымысел» или «художественная литература» — дежурная подстановка этих понятий, не переводимых «обратно», на английский язык, не помогает понять идею автора.